

Автономная некоммерческая организация
**Институт русско-славянских исследований
имени Николая Яковлевича Данилевского**

Статьи ИРСИ/Аналитика ТГ-канала “Россия – не Европа” Экспертный клуб Николая Данилевского Конференции ▾ Труды ИРСИ ▾ Современны
СМИ о нас Издания ИРСИ им. Данилевского ▾ Русская мысль Новейшей истории России ▾ Дело соборное Все материалы Интернет-ма
созидатель” Открытые обращения ИРСИ Данилевского Контакты

Главная > Доклады конференций >

Доклады конференций

Монахиня Иустина (Трофимова)

Н. Я. Данилевский о нравственных основах супружеского союза

↗ 0

В статье рассматриваются различия христианских вероисповеданий и их влияние на нравственные основы супружеского союза у славянских и романо-германских народов согласно теории Н.Я. Данилевского.

Супружеский союз установлен Самим Богом. Бесспорно, идеалом его является христианская семья, ибо только она способна хранить и созидать общество через воспитание понятий о добре и зле, через исполнение заповедей Божиих. Главные вопросы в семье – воспитание детей на христианских идеалах, связь поколений, сохранение и передача духовно-нравственных традиций. Отсюда постоянное попечение родителей о благочестии общества. Христианский идеал устоял во все времена, и прежде всего в годы страшных богоборческих гонений XX века, что труднее всего, и в этом его истинность [1]. Двадцатый век, ознаменованный вероотступничеством, сугубо проявившимся в Западной Европе и Америке, и, как вирус, поразивший славянские страны и Россию, сбросил с пьедестала семью, как созидающую государство ценность, – в результате чего извратилось само понятие семьи, и мы особенно это переживаем в наши дни.

В чём же кроется причина нынешнего безнравственного отношения к семейному идеалу? Обратим свой взор ко второй половине XIX века, когда было написано крупнейшее в мировой науке историко-социологическое исследование «Россия и Европа». Автор этого монументального труда – ученый необычайно многогранной эрудиции как в области общественного, так и естественнонаучного знания, человек православной культуры Николай Яковлевич Данилевский [2, с. 6] дает ясный ответ на этот вопрос, указывая на нравственные основы супружеского союза и на то, что способствует перерождению брачных отношений в безнравственные связи.

Здесь важно отметить следующую духовную составляющую личности ученого:

- Феномен научной теории Н.Я. Данилевского, значение которой столь же непреходяще, как открытие всякого объективного закона и явления, существующего в этом мире, но не уясненного людьми, состоит в том, что, действуя исключительно в научной области, он не только нигде не вошел в противоречие, но пришел к познанию и открыл объективно действующие законы бытия, полностью согласные со Священным Писанием [2, с. 6]!
- Ученому миру ещё предстоит понять роль и место Н.Я. Данилевского в отечественной и мировой науке, убедиться в том, что вселенский масштаб его открытий не мог быть доступен только гениальности человеческого ума – для этого надо быть глубоко верующим человеком, человеком церковным, человеком праведной жизни, стремящимся постигнуть не только законы материального мира, но и пути вечной жизни, спасения во Христе [2, с. 7].
- Значение исследований Н.Я. Данилевского осознавали его современники. Так Пётр Николаевич Семенов, писал: «он был не только глубоким мыслителем, но и горячим патриотом и учёным теологом, высоко держащим знамя Православия». Говоря о судьбе творческого наследия великого ученого России, исследователь трудов Данилевского С.Н. Киселев отмечает, что лишь немногие провидцы оказались способны возвысить свой голос против духовно-нравственного разложения общества. И далее важно: Всякого, кто призывал к защите вековых устоев национальной культуры от разрушительного влияния чуждых идей, либерально-демократическая журналистика причисляла к апологетам реакционности, обрекая на забвение [3, с. 6].

Какой же опыт мы должны извлечь, используя христианскую концепцию мироздания Н.Я. Данилевского в исследовании вопроса веры, Церкви, государства и их роли в сохранении или разрушении супружеского союза, и, следовательно, сохранении или разложении славянского культурно-исторического типа, в частности, русского народа?

Ответ мы находим в вышеупомянутом труде в главе IX под названием «Различие вероисповедное», в котором исследована основа различия вероисповедного романо-германских народов и славянских, и, как следствие, различие в отношении к брачному союзу, к семье, которая является основой всякого государства.

1. Различие в просветительных началах русского и большинства других славянских народов от народов германо-романских состоит в том, что первые исповедуют православие, а вторые – римский католицизм или протестантство. Различие между этими исповеданиями, а, следовательно, между культурно- историческим различием славянского от германо-романского типа настолько велико как отличие истины от лжи бесконечно и что две лжи всегда менее между собою отличаются, чем каждая из них от истины [4, с. 210].

2. Сущность христианской догматики излагается в символе веры, и действительно все мы: православные, католики, протестанты читаем этот символ почти одинаково, соединяя, однако же, совершенно различный смысл со словами: «верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь», – смысл столь различный, что Алексей Степанович Хомяков мог сказать, что все западные христианские общества суть ереси против церкви [4, с. 211].

3. Ложное понятие о Церкви неминуемо ведёт хотя и медленным, но неизбежным логическим процессом к ниспровержению всего христианского учения, лишая его всякого основания и всякой опоры [4, с. 211].

4. Как христианская Церковь, так и все называющие себя церквами христианские общества одинаково признают своим основанием Божественное Откровение. Необходимость Откровения может служить точкою исхода для обсуждения разных проявлений христианства. Только Откровение может дать достоверное, незыблемое основание для веры и для нравственности. Откровение – есть сообщение созданию воли Божества. Это сообщение может совершаться только посредством Церкви, которая также непогрешима, как непогрешимо само Откровение; Церковь – это единственно возможное ручательство за непогрешимость Откровения в нашем понимании его. Следовательно, значение Откровения будет зависеть от того, какое значение придаётся понятию о Церкви и нераздельному с нею понятию о непогрешимости [4, с. 212].

5. Таких понятий существует, как известно, в христианском мире четыре. Мы рассмотрим три из них. Понятие православное, утверждающее, что Церковь есть собрание всех верующих всех времён и всех народов под главенством Иисуса Христа и под водительством Святого Духа, и приписывающее Церкви, таким образом понимаемой, непогрешимость. Понятие католическое, сосредоточивающее понятие о церкви в лице папы и потому приписывающее ему непогрешимость.

Понятие протестантское, переносящее право толкования Откровения на каждого члена церкви и потому переносящее на каждого эту непогрешимость, конечно, только относительно его же самого, или, что то же самое, совершенно отрицающее непогрешимость где бы то ни было. Поэтому вся сущность религии, по протестантскому воззрению, необходимо сводится на одно лишь личное субъективное чувство. Но субъективная религия, то есть верование тому, чему хочется, или, пожалуй, чему верится, есть отрицание всякого положительного Откровения или отнятие у него не только всякой внешней, но и всякой внутренней обязательности, то есть всякой достоверности, а, следовательно, отрицание религии вообще, которая не мыслима без полной достоверности, подчиняющей себе весь дух человека, подобно тому как достоверность логическая подчиняет себе один его ум [4, с. 212 – 213].

6. Католические народы из-за противоречия между непогрешимостью папы, как главы церкви, и его соглашательству духу времени поставляются в необходимость выбирать или отказ от всех плодов, выработанных кровью и потом многовековой борьбы и многовекового труда; или отказаться от католического понимания церкви и, следовательно, либо перейти на скользкий путь протестантизма, либо возвратиться в лоно православия; или же, наконец, отречься вместе с католичеством и от самого христианства. Народы и государства католической Европы склоняются к альтернативе – «свободная церковь в свободном государстве», т. е., выражаясь полнее и точнее, свободная от государства церковь в государстве, свободном от церкви. Что же это такое значит? Церковь, по нашему православному понятию, есть собрание верующих всех времен и народов под главенством Иисуса Христа и под водительством Св. Духа. Каким же образом может государство быть от Нее свободным, свободным от Христа? Конечно, не иначе как перестав быть христианским. Но католическое вероисповедание все-таки христианское. И государство, объявляя себя свободным от Церкви, следовательно, объявляя себя вне Церкви существующим, по необходимости выделяет себя и от того, что неразлучно с христианством [4, с. 220].

7. Во многое существенно христианское государство, по ограниченности сферы своих действий, не может и не должно вмешиваться; но во многом также обе эти сферы, церковная и государственная, столь же тесно связаны, столько же проникают друг друга, как дух и тело. Таков, например, супружеский союз, который есть существенно церковный, христианский, а вместе с тем и существенно гражданский. Объявляя себя свободным от Церкви, государству необходимо должно нарушить и эту неразрывную связь, должно видеть в браке учреждение исключительно гражданское и тем лишить его всякой нравственной основы. Обратим внимание на те необходимые логические последствия, к которым ведет так называемый гражданский брак. Последствия эти противохристианские, противонравственные, и. это именно тот гражданский брак, который введен или вводится в разных европейских государствах, предъявляющих более или менее претензии на свободу от Церкви [4, с. 221].

8. Если брак есть учреждение гражданское только, то он не может быть чем-либо иным, как обыкновенным контрактом между двумя лицами, утверждаемым правительственной властью, которая принимает на себя ручательство за его соблюдение каждою из заключающих сторон, поскольку другая сторона этого будет требовать, но никак не более. Если, следовательно, обе стороны пожелают расторгнуть этот договор или как-нибудь изменить его с обоюдного согласия, то гражданская власть,

под страхом непоследовательности и превышения своей власти, никоим образом этому воспротивиться не может, не имеет на это ни малейшего права, ни основания. Следовательно, гражданский брак расторгим *adlibitum* (по желанию – лат.). Итак, гражданский брак может быть расторгаем и вновь заключаем хотя бы каждый месяц и каждую неделю. Единственное ограничение, представляющееся возможным с этой точки зрения, есть излишнее обременение брачных чиновников делами при слишком часто возобновляемых расторжениях и заключениях браков [4, с. 221 – 222].

9. Но свободный договор не только может быть, по обоюдному согласию, расторгаем, он точно так же может быть и изменяем на том же основании. Если, например, жена вовсе не причастна чувству ревности, то почему бы ей не согласиться на принятие в супружеское общество третьего лица – ещё другой жены, на равных с нею правах? Не представляется никаких резонов, почему бы брачный чиновник мог отказать в своем утверждении такому дополнению к брачному договору. Обопрется ли он на нравственность, – но на какую, – на христианскую? От нее государство, свободное от Церкви, должно быть свободно, как и от всего церковного. На общечеловеческую? Если и признать такое неуловимое, никаким определениям не подчиняющееся начало, то многоженство никак не может считаться ему противным, потому что существует и признается нравственным и в Турции, и в Персии, и в Китае, и в Индии, жители которых имеют самые основательные претензии на право называться людьми и, следовательно, требовать, чтобы считаемое ими за нравственное не исключалось из понятия общечеловечески нравственного. Многоженство существовало у царей и даже у первосвященников иудейских, которые признаются весьма нравственными людьми. Может также, конечно, случиться и обратный казус, может найтись неревнивый муж, который согласится на изменение брачного контракта в смысле многожурья, и если бы брачный чиновник опять восстал против этого во имя общечеловеческой нравственности, то муж мог бы указать на пример тибетцев или, еще лучше, на пример благородных и рыцарских гуанхов, древних обитателей Канарских островов, уничтоженных испанцами. Основываясь на этих неопровержимых с точки зрения общечеловеческой нравственности фактах, целая компания неревнивых жен и столь же мало ревнивых мужей могли бы пойти далее по пути прогресса и неопровержимой логической последовательности и возжелать осуществить на практике соединение общечеловеческой нравственности по понятиям турок, персиян, китайцев, индийцев с таковою же по понятиям тибетцев и гуанхов, т. е. заключить контракт на началах общности жен и мужей. Далее: нельзя не предвидеть затруднения брачного чиновника, к которому явились бы для заключения брачного контракта брат с сестрою, и на его разглагольствования о противуестественности и безнравственности такого союза победоносно бы возражали на первое, что они сами судьи естественности или противуестественности союза, в который желают вступить, и что хотя считается противуестественным питаться гнилым мясом или тухлыми яйцами, однако же никакая административная власть не сочтет себя вправе изменять теплюбеда лиц с такими противуестественными вкусами; а на второе представили бы столь же победоносный пример, что поклонники религии Зороастра не считали противным общечеловеческой нравственности супружества между братьями и сестрами и что в глазах чиновников, служащих свободному от Церкви государству, огнепоклонничество и христианство должны иметь одинаковую цену. Абсурдно звучит, но исходя из всего сказанного, приставленному к брачным делам несчастному административному лицу ничего бы не оставалось, как опереться на правила нравственности, выработанные коннозаводскою практикою, если таковые могут почитаться достаточными для регуляции междучеловеческих отношений [4, с. 222 – 223].

10. С освобождением государства от Церкви и признанием формулы, что закон атеистичен, всякое христианское основание у закона отнимается. Но непобедимая логика наконец все-таки берет своё. Может быть, приведут в пример Римское государство, в котором гражданский брак подлежал существенно тем же условиям, как христианский церковный. Пример справедлив только отчасти, потому что римский брак нельзя назвать браком гражданским. Римское государство не только не было свободно от своей языческой церкви, но, напротив того, представляло теснейшее с нею соединение, так что Римское государство было вместе и церковью. Или укажут на Соединенные Штаты, в которых государство свободно от церкви, и наоборот, без всяких вредных от того последствий. Пример Соединенных Штатов указывает только на то фальшивое положение, в которое неминуемо поставляется государство, принявшее ложное начало, положение, из которого только один выход – крайняя непоследовательность. Так на берегах Солёного озера, на территории Юта существует общество мормонов, принимающее, как известно, многоженство; и Соединенные Штаты, объявляющие свое государство свободным от церкви и церковь свободною от государства, отказываются признать за мормонами право образовать самостоятельный штат. На каком же это, спрашивается, основании? И спрашивается еще, если бы собралось более 40 000 китайцев, которых и так в Калифорнии очень много, и поселившись на пустынном месте потребовали бы признать их область штатом, что, любопытно бы знать, ответило бы на это федеральное правительство? Если бы оно допустило китайский штат, то официально допустило бы и осватило своим авторитетом многоженство и не имело бы ни малейшего основания не допустить и не освятить того же и у мормонов, а затем и у всех, кто пожелал бы жить в этой форме полового союза; если бы все-таки продолжало не признавать его у мормонов и у прочих граждан Союза, то показало бы, что оно вовсе не свободно от церкви, а имеет свою господствующую церковь, условно установленную государственную религию и основанную на ней государственную мораль, как это и теперь, несомненно, делают Соединенные Штаты» [4, с. 223 – 224].

11. Из этого выходит, что христианство как в протестантском, так и в католическом сознании подпилено под самый корень, что оно с их точки зрения не выдерживает самой простой критики и держится лишь до поры до времени только по инерции или косности, присущей и нравственному миру. Если эта шаткость основы не столь ясно дошла до сознания католического мира, как до сознания мира протестантского, то зато необходимые практические следствия католического воззрения легли уже

